

Автор: Идрисов Г.

Для меня Вильнюсский семинар начинался в 1981 году. Психологи тогда ещё Ленинграда посоветовали посмотреть и поучаствовать в работе необычного для работающих психотерапевтов Александра Ефимовича Алексейчика. Да и сам семинар отличался от принятых тогда норм проведения семинаров. Не было трибуны, обязательного президиума с парткомом, профсоюзом и секретарем комсомола. Было то, что мне напомнило проведение ИГРЫ из книги Г. Гессе «Игра в бисер».

Много групп с различными темами, разными «способами» ведения психотерапии и потом одна большая группа, на которой выступали участники разных групп и где можно было посмотреть, почувствовать, понять, что и как происходило в группах, в которых ты не участвовал.

Хочу отметить, что не было «малых» групп. Это были отдельные полноценные группы, со своими ведущими, которые вели группу не пару часов, как сейчас, а все три дня семинара. Проводили их Хен Миккин, Лев Каварскис, Эугениус Лауринайтис, Адольф Хараш.

Там я впервые увидел Владимира Мурзенко, Фёдора Василюка, познакомился с

Римантасом Кочюнасом. Как давно это было...

В распадавшемся Советском союзе активно учились у приезжавших из-за рубежа гуру психотерапий. И каждый «последователь» того или иного гуру, его способа и его навыков, пытался научиться и потом вести свои группы и свою работу в выученных техниках и смыслах. Вспоминаются несколько эпизодов той жизни... той психотерапевтической жизни.

Один из таких последователей пытался в своей работе научиться (и научить, естественно, своих пациентов, слушателей, участников его группы) мудрости. Когда А. Алексейчик спросил его, что это такое, то он ответил, что рассказать не может, но может показать и, если Алексейчик не против, то показывать будет на нём, и для этого пригласил его на сцену, с которой рассказывал о своей работе. На что А. Алексейчик ответил, что на сцену не пойдёт, и что он «готов быть на каждой свадьбе женихом, но не хочет быть на каждых похоронах покойником».

В те времена психологам запрещено было заниматься психотерапией. В клиниках работа психолога заключалась в проведении тестов, написании психологического портрета и т. п. Активная работа с пациентом в его должностных инструкциях отсутствовала. Максимум кем он был — помощником психиатра (в котором психиатр чаще всего и не нуждался). На работу психолога врачи смотрели с большим скепсисом. Психологу нельзя было обучаться психотерапии, и на все курсы, где врачи специализировались по психотерапии, для психологов двери были закрыты.

Одним из таких врачей, которые считали, что психологи не должны заниматься психотерапией, был Марк Бурно. И вот он приглашен на семинар и выступает в течении минимум получаса перед началом проведения своей группы. Все время в его докладе красной нитью прослеживается мысль, что «психологи не должны и не имеют права заниматься психотерапией». Потом была его группа «Самовыражение творчеством», в которой участвовали психологи, и, по видимому, в этой группе сам Марк Бурно вошёл в процесс переживания. И на заключительном выступлении он опять же в течение всей своей речи говорил: «И всё-таки психологи не должны заниматься психотерапией, а только врачи-психиатры могут ей заниматься», — но при этом «психологи должны научить их этому».

Непосредственно группы А. Алексейчика проходили тогда в его небольшом кабинете на втором этаже маленького здания. Наверх вела крутая лестница, которая навевала мысль о восхождении на Голгофу. И первые переживания группы ИТЖ... Работа, которая показала, как можно проводить психотерапию. Как разрушаются защиты (именно — разрушаются, а не разрушает их А. Алексейчик)... Как можно создавать условия, в которых жизнь идет по настоящему... интенсивно...

Потом я видел в жизни разные способы проведения групповой работы, но никогда не встречал такой концентрации переживаний пациентов. Такой интенсивности и продуктивности терапии. И такой «проективности».

Каждый берет в ИТЖ в меру своей готовности и то, что нужно ему. Я разговаривал со многими участниками групп в Вильнюсе, в других городах. Поэтому могу судить не только со своей собственной позиции.

Если говорить о себе, о моём участии в группах А. Алексейчика, общении с ним в его доме, который он мне предоставляет в каждый мой приезд в Вильнюс, то могу сказать, что ощущение такое — вернулся домой. Это состояние пришло давно, после первых групп ИТЖ. Этот «метод» лёг на душу, стал «моим». При том, что моя работа отличается от работы А. Алексейчика так же, как и мы отличаемся друг от друга.

Мы — разные. И работа — разная. Но по смыслам, по естеству — я думаю, что похожи. По отношению к жизни, по взглядам на жизнь, на работу, на многое — могу с уверенностью сказать, что я единомышленник Александра Ефимовича.

И в этих заметках, посвящённых юбилею семинара, хочу от всей души поблагодарить всех, с кем я БЫЛ на таких встречах, с кем прошёл большой путь рядом, вместе.

И огромная благодарность судьбе и Богу за ВСТРЕЧУ с Александром Ефимовичем Алексейчиком.